

Мэн Цяньшань не посмел послушаться. Скрепя сердце, он заставил Сунь Юаня катить кресло вперед. Мысленно он обливался горькими слезами: «Господин Сюй, бегите скорее!»

Однако те двое, очевидно, не получили его ментального сигнала.

Услышав скрип колес, они подняли головы и, к ужасу евнуха, замерли с самым безмятежным видом, ожидая, когда процессия приблизится.

Хо Уцзю окинул их ледяным взглядом. Тот, что в красном — он его помнил. Похож на девицу, руки вечно чешутся: при первой же встрече полез его лапоть. А второй...

Взгляд генерала стал еще холоднее. Тот, что в прошлый раз выступал миротворцем? Когда он вывернул руку красному, именно этот человек спокойно подошел, начал уговаривать и велел позвать лекаря.

«Так вот, значит, какие люди нравятся принцу Цзину?»

Хо Уцзю брезгливо отвел глаза. В их армии больше всего недолюбливали таких тягучих, скользких книжников, которые вечно пытаются сгладить углы — от одного их голоса голова начинала пухнуть. Впрочем, раз уж сам принц Цзин — человек гнилой, то и вкус у него соответствующий: выбирать в любимчики всякую шваль для него норма.

Устраивая этот мысленный разнос, Хо Уцзю как-то упустил из виду, что сам тоже входит в круг тех, кем принц Цзин «тайно восхищается долгие годы».

Одарив их презрительным взглядом, он застыл с бесстрастным лицом, не собираясь даже здороваться. Зато Гу Чанцзюнь, расплывшись в улыбке, заговорил первым:

— Кажется, с нашей последней встречи с господином Хо прошло немало времени? — его лисьи глаза мягко, словно шелк, скользили по фигуре генерала. — Фэншуй нашего поместья явно идет вам на пользу. Посмотрите-ка, господин Хо, вы прямо расцвели!

Сюй Ду мельком взглянул на друга. Он знал, что до того, как семья Гу разорилась, у его отца было несколько наложниц. Гу Чанцзюнь с детства напитался атмосферой заднего двора и прекрасно знал правила этих «игр». Попав в поместье принца, он особенно любил разыгрывать перед чужаками роль обиженной и язвительной пассии. Обычно Сюй Ду в это не вмешивался, полагая, что Хо Уцзю тоже проигнорирует провокацию. И действительно, Хо Уцзю промолчал.

Вместо него вперед выступил Мэн Цяньшань, который с подобострастной улыбкой поклонился:

— Это само собой! С тех пор как господин Хо прибыл к нам, у него всё слава богу, спасибо господину Гу за заботу!

С этими словами он незаметно толкнул Сунь Юаня локтем в бок и добавил:

— Не знали, что господа здесь изволят играть. Ничтожный слуга по глупости своей нарушил ваш покой... Сунь Юань, живо попрощайся с господами!

Сунь Юань послушно собрался поклониться, но не успел он и рта раскрыть, как Гу Чанцзюнь со смешком перебил его:

— К чему такая спешка? Пришли и сразу уходите? Мэн Цяньшань, я что, по-твоему, тигр-людоед?

Сюй Ду покосился на него. Он не раз просил Гу Чанцзюня не зарываться, но знал, что тот в юности пережил слишком резкий взлет и падение, из-за чего привык смотреть на мир как на игру и лезть на рожон просто ради забавы. Такой характер за день не исправишь.

Видя, что Мэн Цяньшань только лебезит и оправдывается, Сюй Ду решил вмешаться:

— Если нет спешных дел, можно и задержаться. Господин Хо умеет играть в вэйци? Мы с Чанцзюнем как раз зашли в тупик. Если вы смыслите в игре, может, взглянете — как разрешить эту партию?

Хо Уцзю одарил его коротким, тяжелым взглядом. Больше всего на свете он ненавидел вэйци. Его отец был азартным, но никудышным игроком, зато его главный советник был настоящим мастером вэйци. В далеком Янгуане отец не хотел упускать ни единого шанса дать сыну образование, поэтому силой заставлял его учиться игре у этого «улыбчивого тигра»-советника.

Он терпеть не мог возиться с этими скучными черно-белыми камнями и вечно проказничал, пока отец под угрозой конфискации его любимого даваньского коня не заставил его выучить правила силой. Уметь — не значит любить. Хо Уцзю холодно смерил взглядом Сюй Ду. Тягомотный «миротворец», наводящая тоску шахматная доска — всё, что его раздражало, собралось в одном месте.

Стоявший позади Сунь Юань, услышав предложение Сюй Ду, растерянно переводил взгляд с одного на другого, не зная, кого слушать, пока Хо Уцзю не поднял руку, веля ему ждать на месте. Сунь Юань поспешно подчинился.

Хо Уцзю сам взялся за деревянные обода колес и подъехал к шахматному столу. Сюй Ду посмотрел на него. Хо Уцзю замер у края доски. Он мельком, без тени раздумий, окинул взглядом позицию, протянул руку, взял черный камень и опустил его на доску. Сюй Ду оторопел. Но Хо Уцзю не дал ему шанса заговорить. Оставив камень, он тут же убрал руку, налег на колеса и, резко развернув кресло, покатил прочь.

— Уходим, — бросил он.

Сунь Юань бросился догонять его, чтобы катить кресло, а Мэн Цяньшань, впопыхах поклонившись обоим на прощание, засеменил следом.

Гу Чанцзюнь провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду, после чего с изумлением повернулся к Сюй Ду:

— Ты только посмотри! Сразу видно генерала. Даже запертый в задних покоях, он всё такой же дерзкий, дикий и никого ни во что не ставит.

Однако Сюй Ду молчал. Не дождавшись ответа, Гу Чанцзюнь взглянул на него и увидел, что тот в упор смотрит на доску — с каменным лицом и без единого слова. Гу Чанцзюнь усмехнулся, проследив за его взглядом:

— Да что там такого на этой доске? Всего лишь...

Слова застряли у него в горле. На доске белые камни Сюй Ду до этого момента почти загнали черных в угол, но после того, как Хо Уцзю поставил свой камень, черные, словно раненый зверь, бросились в контратаку и вцепились белым прямо в глотку. Ситуация на доске мгновенно переменилась: безнадежное положение черных сменилось стремительным и яростным наступлением.

Гу Чанцзюнь ошеломленно рассмеялся:

— А он чертовски хорош, а?

Но Сюй Ду лишь покачал головой. Только что, когда Хо Уцзю ставил камень и убирал руку, он на мгновение поднял глаза. Его холодные черные глаза были точь-в-точь как тот угольный камень — яростные, беспощадные и такие ледяные, что от этого взгляда можно было провалиться в прорубь. На миг Сюй Ду почувствовал, как по спине пробежал могильный холод. Ему показалось, что Хо Уцзю хотел уничтожить подчистую вовсе не белые камни на доске. Спустя мгновение он слабо улыбнулся и покачал головой.

— О чем задумался? — спросил Гу Чанцзюнь. Сюй Ду помолчал.

— Ни о чем, — ответил он. — Просто не припомню... когда я успел так досадить генералу Хо.

После полудня зарядил мелкий дождь. С темными кругами под глазами, Цзян Суйчжоу вяло отстоял утреннюю аудиенцию и сразу отправился в Министерство ритуалов. Несмотря на то, что Цзи Ю всячески его опекал, он не мог полностью освободить его от дел. Видя, что принц выглядит совсем плохо, Цзи Ю, глядя на еще раннее небо, поручил ему встретить за городом партию материалов, необходимых для оформления праздника. Цзи Ю с улыбкой добавил, что после сверки с документами возвращаться в министерство с докладом не нужно — достаточно велеть возницам отогнать телеги во двор ведомства.

Цзян Суйчжоу понял: это была неприкрытая поблажка, чтобы он мог закончить дела и пораньше вернуться домой. Он был искренне благодарен: и самому Цзи Ю за его мягкий характер и доброту, и себе — за то, что в тот раз не промолчал и завязал с ним разговор.

Однако стоило ему выехать из министерства, как дождь припустил сильнее. Едва он миновал Северные ворота, пришло известие: телеги с материалами в десяти ли от города намертво увязли в грязи. И тут началась настоящая морока.

За городом дождь хлестал сильнее, чем в стенах Линьяня. К тому же дороги за городскими воротами были обычными грунтовыми тропами; нынешний император, добравшись до этих мест, тратил все деньги на украшение собственного дворца и даже не думал о ремонте дорог. В итоге материалы, которые должны были прибыть к обеду, удалось доставить к городским воротам только в сумерках. Цзян Суйчжоу весь день провел на пронизывающем влажном ветру. Когда обоз наконец прибыл, ему пришлось лично командовать проверкой количества и очисткой груза от грязи.

К тому времени, как он вернулся в поместье, уже пробило вторую стражу (около 22:00). Еще за городом он наспех перекусил чем попало, считая это ужином. Вернувшись домой, он чувствовал такую усталость, что глаза сами закрывались. Кое-как приведя себя в порядок, он сразу лег спать.

Мэн Цяньшань осторожно уложил хозяина и взглянул в сторону. Там, на кушетке у окна, в кресле сидел Хо Уцзю и молча листал книгу. Мэн Цяньшань смутно помнил, что обычно господин Хо не засиживается так поздно, но... может, он вовсе не ждет Ван-е, а просто книга попалась больно интересная? Евнух не посмел спрашивать и тихо вышел.

Дверь закрылась. Хо Уцзю с шелестом перевернул страницу. В книге бедный талантливый студент перелезал через забор усадьбы первого министра, чтобы при луне встретиться с

красавицей-дочерью. Девушка застенчиво протягивала ему шелковый платок, расшитый своими руками, а студент крепко сжимал её нежную ладонь... Глаза Хо Уцзю были устремлены в книгу, но взгляд был пустым. Он пролистал уже полкниги, но так и не осознал, что именно держит в руках. Спустя мгновение он поднял глаза и посмотрел в сторону кровати.

Цзян Суйчжоу лежал там и, кажется, уже спал. Пальцы Хо Уцзю медленно погладили край страницы. С того момента, как с наступлением темноты он поужинал в одиночестве, его охватило непонятное раздражение. Оно было настолько сильным, что он не мог вникнуть ни в единое слово. Хо Уцзю убеждал себя, что виной всему ноги. Раны заживали, но чувствительности долго не было. И лишь несколько дней назад, когда небо затянуло тучами, в ногах появилось какое-то подобие ощущений.

Это была тупая, ноющая боль в тех местах, где были перерезаны меридианы. Эта боль отличалась от резкой, раздирающей муки — она не была сильной, но напоминала скрежет тупого ножа по кости. Поскольку она была терпимой, Хо Уцзю несколько дней не обращал на неё внимания. До сегодняшнего дня. Пошел дождь. Влага будто пробудила раны: тягучая боль пронзила меридиан, поднялась до самого позвоночника и вгрызлась в кости. Боль была плотной, пульсирующей и бесконечной, словно кто-то засунул руки под кожу и без остановки выкручивал ему жилы.

Хо Уцзю молча терпел. Но было и еще кое-что странное. Сидя неподвижно с книгой в руках, он ловил себя на том, что при каждом звуке шагов снаружи невольно напрягается, вслушиваясь. Он не осознавал, что чего-то ждет, но каждый раз, когда звуки стихали, раздражение в душе только росло. Изредка до него доносились голоса: Мэн Цяньшань посылал слуг узнать, когда вернется Цзян Суйчжоу. Мальчишки бегали несколько раз и возвращались с одним и тем же: «Ван-е занят».

Хо Уцзю едва заметно хмурился. Лишь когда шум дождя за окном поутих, а часы пробили вторую стражу, он услышал те самые шаги. Немного нетвердые, неспешные — стоило им коснуться слуха Хо Уцзю, как он понял: Цзян Суйчжоу вернулся. Он опустил глаза и перевернул страницу. «Значит, сегодня не остался ночевать у наложника?» С губ Хо Уцзю сорвался почти неслышный холодный смешок, и раздражение, копившееся весь вечер, чудесным образом рассеялось. Уголок его рта даже невольно дрогнул в подобии улыбки.

Впрочем, Цзян Суйчжоу не стал с ним заговаривать. Кое-как умывшись, он просто рухнул на кровать и уснул. Только теперь, когда вокруг никого не было, Хо Уцзю поднял взгляд и посмотрел на него.

«Задохлик. Стоило одну ночь провести у того никчемного "миротворца", и он уже в таком состоянии. И при такой немощи еще пытается гарем содержать?» Смерти ищет, не иначе.

Такому хлипкому созданию полагалось бы сидеть смирно под надежным крылом, холить себя и лелеять в тепле, не подставляясь под солнце и дождь. Не давать ему страдать, но и не позволять забивать голову всякими глупостями и крутить шашни с кем попало.

От этой мысли сердце Хо Уцзю вдруг забилось чаще. Какая-то идея промелькнула в голове, вызывая странный зуд в груди. Он замер, отвел взгляд и, пытаясь подавить нахлынувшие чувства, снова взялся за книгу.

«Чжан-шэн сжал ту нежную ручку в своей ладони и почувствовал, что она мягка, словно лишена костей. Его душа затрепетала. Он увидел, как щеки молодой госпожи залил румянец, а в глазах отразился испуг, как говорится...»

...Что за чушь несет этот Мэн Цяньшань, где он только берет такие книги?!

Лицо Хо Уцзю потемнело, и он с силой отшвырнул книгу в сторону. Раздался негромкий хлопок, от которого плечи спящего на кровати человека вздрогнули. Заметив это мимолетное движение, Хо Уцзю повернулся. Человек на кровати плотно закутался в одеяло — казалось, он испугался, но так и не проснулся, лишь перевернулся на другой бок и продолжил спать.

...Странно. Раньше Цзян Суйчжоу никогда не кутался так сильно. Хо Уцзю нахмурился и прислушался: дыхание на кровати было тяжелым, будто каждый вдох давался с трудом. Неужели заболел? Ему не очень-то хотелось лезть не в свое дело, он решил, что лучше позвать Мэн Цяньшаня.

Но руки будто перестали слушаться: вместо того чтобы катить кресло к двери, он необъяснимым образом оказался прямо у постели Цзян Суйчжоу. Тот был замотан в одеяло как в кокон, только пряди черных шелковистых волос разметались по подушке. Хо Уцзю в нерешительности протянул руку и через одеяло сжал плечо Цзян Суйчжоу. Тот был таким худым, плечи такими хрупкими, что Хо Уцзю без труда обхватил плечо ладонью даже через плотную ткань. Почти не прилагая усилий, он перевернул его на спину.

...Лицо неестественно бледное, тело бьет дрожь, дыхание прерывистое. Глаза плотно закрыты, губы обескровлены, ресницы подрагивают. Увидев его в таком беззащитном состоянии, Хо Уцзю на миг оцепенел, а затем, словно испугавшись, что причинит ему боль, отдернул руку, будто обжегшись. Затем он неловко поднял руку и приложил её ко лбу Цзян Суйчжоу.

...Кажется, именно так проверяют, есть ли у человека жар?

Лоб под его ладонью не была горячий, напротив, он казался ледяным. Похоже, принц сильно перемерз, но жар еще не успел разгореться.

Хо Уцзю собирался убрать руку, чтобы позвать Мэн Цяньшаня. Однако в этот момент из-под одеяла с трудом высунулась бледная холодная ладонь и крепко вцепилась в его руку.

Ледяная и мягкая, она была совершенно лишена силы, но Хо Уцзю замер как вкопанный.

— Не уходи... — голос человека на кровати дрожал. Он лежал в теплой постели, но вел себя так, словно провалился в ледяную прорубь и теперь отчаянно цеплялся за соломинку.

Хо Уцзю услышал едва различимый шепот Цзян Суйчжоу, похожий на бред.

— Не говори маме... Я просто посплю, и всё пройдет, — пробормотал он.

Хо Уцзю не знал, кто такая эта «мама», но в тихом, почти исчезающем голосе принца он уловил страх и растерянность. Словно тот до смерти боялся стать для кого-то обузой.

Хо Уцзю помедлил и, поддавшись необъяснимому порыву, накрыл ладонь Цзян Суйчжоу своей. Его длинные пальцы с четко очерченными костяшками легко и бережно обхватили слабую кисть, согревая её в своей ладони.

Находящийся в беспамятстве Цзян Суйчжоу, почуяв источник тепла, тихо вздохнул и с усилием притянул эту руку к себе. В следующий миг его холодная, нежная щека прижалась к тыльной стороне ладони Хо Уцзю, где явственно проступали вены.

Стоило Цзян Суйчжоу лечь, как сознание окутал туман. Его затянуло в водоворот сумбурных снов, где время и реальность перемешались.

То он снова был подростком в огромном поместье отца, где сводные братья (он даже не знал, кто их матери) толкали и задирали его. Он, обиженный, шел искать мать, но сквозь щель в двери видел, как она сидит в комнате одна и беззвучно плачет — так горько, будто лишилась души. И страх сковывал его, не давая вымолвить ни слова о своих обидах.

То перед ним возникало омерзительное улыбающееся лицо императора и толпа чиновников, которых он видел только на портретах. Они следили за каждым его движением, заставляя дрожать от напряжения и бояться каждого лишнего слова.

То появлялся Хо Уцзю с окровавленным ножом в руках. Его глаза были такими же ледяными, как в день их свадьбы. Он смотрел в упор, словно собирался немедленно снести ему голову и выставить её на городской стене.

Цзян Суйчжоу хотел бежать, но ноги приросли к полу. Он видел, как Хо Уцзю подходит ближе и протягивает к нему руку, испачканную в крови...

Принц зажмурился, ожидая смерти, но, к его удивлению, Хо Уцзю не убил его. ...Он вдруг протянул руку и коснулся его лица.

Цзян Суйчжоу подумал, что тот просто примеривается, куда нанести удар, и промахнулся мимо шеи. Но рука Хо Уцзю прижалась к его щеке и не отпускала.

Именно в этот момент Цзян Суйчжоу начал приходить в себя. Как и во сне, в голове была каша, а всё тело горело. Он затуманенно открыл глаза и увидел лишь пляшущие огни свечей — они были такими яркими, что слепили.

Чувствуя во всем теле невыносимую тяжесть, он медленно вдохнул и, не успев ничего сказать, зашелся в хриплом кашле.

— Ван-е! — это был голос Мэн Цяньшаня.

От кашля в глазах потемнело. В этот миг что-то, что он сжимал в руке, вдруг само крепко сжало его ладонь в ответ. Ощущение было прохладным и очень властным — его буквально рывком заставили сесть. Следом другая рука легла ему на спину, медленно похлопывая и помогая успокоить дыхание.

Цзян Суйчжоу наконец открыл слезящиеся глаза. При ярком свете ламп он увидел Мэн Цяньшаня, который стоял на коленях у кровати, вцепившись в край одеяла. Глаза евнуха покраснели от тревоги, губы дрожали, но он не смел издать ни звука.

А в своей руке принц обнаружил крупную ладонь с четкими суставами и выступающими венами. Одурманенный лихорадкой, Цзян Суйчжоу заторможенно проследил взглядом вверх по руке... и наткнулся на пару ледяных черных глаз.

От испуга он мгновенно отшвырнул эту руку.

Хо Уцзю бесстрастно прекратил поглаживать его по спине, подsunул под него подушку-валик и, слегка надавив на плечо, заставил опереться на неё. После чего отвернулся и холодно бросил:

— Проснулся.

Тут же подскочил молодой лекарь, опустился на колени у постели и приложил пальцы к запястью Цзян Суйчжоу. Хо Уцзю, налегая на колеса, отъехал на пару шагов назад.

Никто не заметил, как его правая рука, которую только что сжимал принц, легла на колено. Он медленно потер пальцы друг о друга и сжал кулак, словно пытаясь удержать в нем мимолетное прикосновение.

Слуги, увидев, что хозяин пришел в себя, побросали дела и столпились у кровати. Лекарь, закончив осмотр, поднялся:

— Ван-е слаб телом, а из-за чрезмерного труда холод и сырость проникли внутрь, вызвав лихорадку. Я уже приготовил отвар в соседней комнате. Если Ван-е выпьет его и поспит, к утру жар должен спастись. Однако необходимо несколько дней провести в покое. До полного выздоровления любые нагрузки запрещены.

Мэн Цяньшань закивал и велел служанкам нести лекарство. Цзян Суйчжоу, привалившись к мягкой подушке, с трудом потер виски, переваривая услышанное.

«...А, значит, переутомился. Сегодняшний дождь меня и свалил».

Весна уже вступила в свои права, дожди были не холодными. И только он мог умудриться заболеть, даже не попав под ливень.

Принц обреченно вздохнул. Но, с другой стороны, это было даже кстати: теперь он мог со спокойной совестью отдыхать дома несколько дней. Вот бы проболеть подольше, желательно до самого дня рождения императора... Тогда он сможет не идти, сославшись на недуг, и Хо Уцзю тоже не придется...

При мысли о генерале в затуманенном мозгу что-то щелкнуло.

«Только что... я, кажется, держал Хо Уцзю за руку?»

Но он совершенно не помнил, как тот оказался у его постели и как они сцепились руками. Цзян Суйчжоу решил, что это просто бред больного.

Однако не успел он додумать, как в комнату вплыл густой, невыносимо горький запах. Принц поморщился. Перед ним появилась чаша из белого нефрита, полная черного, как смоль, зелья.

Стоило резкому запаху коснуться ноздрей, как Цзян Суйчжоу снова зашелся в кашле. Его едва не вывернуло наизнанку. Мэн Цяньшань в ужасе принялся хлопать его по спине, причитая на все лады. Когда приступ прошел, Цзян Суйчжоу отвернулся.

Еще до «переселения» он терпеть не мог китайскую медицину, но оказалось, что древние снадобья по степени гадости на голову превосходят современные аналоги.

Заметив его отказ, Мэн Цяньшань взмолился:

— Умоляю вас, Ван-е, выпейте же лекарство!

Цзян Суйчжоу затаил дыхание и молчал. Чаша стояла прямо перед ним — он боялся, что если вдохнет лишний раз, то просто задохнется от этого смрада.

Мэн Цяньшань чуть не плакал:

— Ван-е! Если вы не будете пить лекарство, как же вы поправитесь?!

Цзян Суйчжоу замер.

«...Точно. Если я не буду пить лекарство, я не поправлюсь. А если я не поправлюсь... то смогу со всеми основаниями не брать Хо Уцзю на праздник императора!»

С этого дня Цзян Суйчжоу со всеми удобствами обосновался дома на больничном. Многие придворные присылали ему подарки, даже император прислал своего лекаря — якобы для осмотра.

Цзян Суйчжоу понимал: император просто боится, что он симулирует, и подослал шпиона. Однако состояние принца было действительно плачевным.

Лекарь, вернувшись, доложил: «Тело принца Цзина совсем никуда не годится, весенний дождик чуть не свел его в могилу».

Император так обрадовался, что на следующий день прислал гору красивых, но бесполезных побрякушек, велел Цзян Суйчжоу отдыхать и не беспокоиться о делах государства.

Министр ритуалов Цзи Ю тоже чувствовал вину: это ведь он поручил принцу то задание. Когда Мэн Цяньшань передал ему весточку от хозяина, Цзи Ю так расстроился, что передал в ответ целую стопку разнообразных сборников неофициальной истории — в качестве извинения.

Цзян Суйчжоу и смех и грех: он велел Мэн Цяньшаню поскорее убрать эти дурацкие книжонки с глаз долой.

На второй день жар спал, но простуда никуда не делась. Цзян Суйчжоу никогда не чувствовал себя так паршиво от обычного насморка. Тело оригинала, видимо, имело очень слабую дыхательную систему: стоило простудиться, как боль от горла опускалась до самых легких. Из-за слабого иммунитета болезнь постоянно возвращалась: то его колотило от холода, то снова поднималась небольшая температура.

Пока Цзян Суйчжоу мучился, он не забыл потихоньку спросить Мэн Цяньшаня, не стоит ли отселить Хо Уцзю, чтобы не заразить его. На самом деле это был лишь предлог, чтобы выдворить генерала из комнаты. Ведь теперь император и Пан Шао окончательно поверили в его ориентацию (и даже считали его любителем «острых ощущений»). Так что не было смысла держать Хо Уцзю здесь и заставлять его каждую ночь спать на кушетке.

Но Мэн Цяньшань замотал головой. Услышав слова принца, он расплылся в улыбке до ушей.

— Не нужно, господин Хо этого не боится, — прошептал он, воспользовавшись тем, что Хо Уцзю не было в комнате.

Цзян Суйчжоу нахмурился. А Мэн Цяньшань продолжил:

— Вы и не знаете! В ту ночь именно господин Хо заметил, что вам плохо. И пока я не пришел, господин Хо всё держал вас за руку и отпустил, только когда вы очнулись!

Мэн Цяньшань светился от счастья. Цзян Суйчжоу не знал, что и сказать. У него были какие-то смутные воспоминания... Но это не Хо Уцзю держал его, а он сам вцепился в генерала и не

отпускал!

Впрочем, объяснять это Мэн Цяньшаню было бесполезно. Хо Уцзю, даже лишившись внутренней силы, наверняка мог бы легко стряхнуть с себя руку бредящего больного, если бы захотел.

— Ван-е, — хихикнул евнух, — мне кажется, господин Хо к вам тоже не совсем... Эх! Искренность города берет, а верность камень точит!

Цзян Суйчжоу помрачнел и выставил его вон. Поистине, за каждую ложь рано или поздно приходится платить. Глядя на сияющую спину Мэн Цяньшаня, принц стиснул зубы и оставил попытки отселить Хо Уцзю.

Болезнь хоть и медленно, но отступала. Императорский лекарь заглянул один раз и больше не появлялся. Но спустя несколько дней внезапно прибыл другой врач из дворца. И в этот раз Цзян Суйчжоу сразу заметил разницу. Тот, первый, просто пощупал пульс, увидел, что принцу худо, и откланялся. А этот...

А этот вел себя иначе. Явившись, он не просто формально пощупал пульс, а провел тщательнейший осмотр и даже дотошно проверил все снадобья, которые Цзян Суйчжоу принимал в последние дни.

Цзян Суйчжоу догадался: этот лекарь на восемьдесят процентов был заслан Пан Шао.

Императору просто хотелось видеть Цзян Суйчжоу больным: если тот занемог, государь был счастлив и больше ни о чем не беспокоился. Но Пан Шао был другим. Он следил за Цзян Суйчжоу, оценивая реальное состояние его здоровья, вычисляя, когда тот поправится, и, что важнее, — не замышляет ли принц чего-нибудь под прикрытием болезни.

Цзян Суйчжоу до глубины души презирала эта слежка.

Но лекаря было не прогнать — он являлся каждые несколько дней.

Так продолжалось до сегодняшнего дня.

Это был третий визит врача. Закончив осмотр, лекарь многозначительно улыбнулся и произнес:

— Ваше Высочество восстанавливается весьма успешно. Полагаю, через два-три дня вы будете совершенно здоровы. Как раз через четыре дня состоится празднование дня рождения Его Величества. Государь вспоминает о вас каждый день, и теперь вы точно сможете присутствовать. Его Величество не будет разочарован.

Сказав это, он вальяжно удалился.

Цзян Суйчжоу остался сидеть на кровати, его дыхание сбилось от гнева.

Он понимал: это была прямая угроза от Пан Шао. Ему давали понять, что знают о его состоянии, и лазейки нет — он обязан привести Хо Уцзю во дворец на потеху императору.

В этот момент вошел Мэн Цяньшань с чашей свежесваренного лекарства.

Цзян Суйчжоу лишь мельком взглянул на него и отвернулся.

За это время ему казалось, что он насквозь пропитался этой горечью; всё его естество источало терпкий аптечный запах.

«Да какой смысл его пить? В худшем случае проболую лишних пару дней — это всё же лучше, чем позволить тем подонкам добиться своего и снова подвергнуть Хо Уцзю унижениям».

С этой мыслью Цзян Суйчжоу сухо бросил Мэн Цяньшаню:

— Оставь. Я выпью позже.

Мэн Цяньшань опасливо покосился на него.

Он видел, что хозяин не в духе и явно не горит желанием принимать снадобье. Однако, поскольку в последнее время Цзян Суйчжоу пил лекарства исправно и (кроме самого первого раза) не сопротивлялся, евнух не стал настаивать. Он послушно поставил чашу на столик и удалился.

В комнате остались только двое: принц и Хо Уцзю.

Цзян Суйчжоу глянул на генерала — тот по-прежнему тихо сидел поодаль, уткнувшись в книгу.

Убедившись, что за ним не следят, принц осторожно спустился с кровати и взял чашу с лекарством. Он не заметил, как Хо Уцзю, услышав шорох, мгновенно вскинул голову.

Цзян Суйчжоу, ничего не подозревая, в одной легкой нижней рубаше, пошатываясь от слабости, направился к углу комнаты, где в большом исинском керамическом горшке росло декоративное деревце.

Он рассудил просто: стоит ему пару дней «выливать» лекарства в землю, и его хрупкое здоровье даст сбой, старые недуги вернуться, и на пир его смогут доставить разве что на носилках.

Дойдя до горшка, он уже занес руку с нефритовой чашей...

Но в тот самый миг, когда он собирался выплеснуть черную жижу, чья-то рука внезапно вынырнула из пустоты и стальной хваткой сомкнулась на его запястье.

Цзян Суйчжоу резко обернулся и замер: Хо Уцзю каким-то чудом уже оказался рядом.

Сидя в кресле, он одной рукой так зажал запястье принца, что тот не мог даже шевельнуть пальцем. И хотя Хо Уцзю смотрел на него снизу вверх, его острые черные глаза горели таким ледяным и властным огнем, что Цзян Суйчжоу невольно почувствовал укол совести.

— Что ты делаешь? — спросил Хо Уцзю.

Собравшись с духом, Цзян Суйчжоу холодно отрезал:

— Не твоё дело. Пусти.

Но пальцы Хо Уцзю даже не дрогнули.

— Пей.

Это не было вопросом. Это прозвучало как приказ.

— Ты это мне говоришь? — Цзян Суйчжоу включил своего «внутреннего тирана», которым обычно пугал Мэн Цяньшаня: он высокомерно вскинул брови и смерил генерала ледяным взглядом.

Хо Уцзю промолчал, но хватка на запястье стала еще жестче. Он дюйм за дюймом, не терпя возражений, силой притянул руку Цзян Суйчжоу обратно, заставляя его снова поднести чашу к лицу.

Каждым своим движением он буквально чеканил приказ: «Пей до дна».

Горький запах ударил в нос.

Морщась от отвращения, Цзян Суйчжоу опустил взгляд и встретил решительный, непроницаемый взор Хо Уцзю. Похоже, тот не собирался оставлять ему ни малейшего пространства для маневра.

В душе принца шевельнулась странная обида.

Он знал, что император его ненавидит. С самого момента попадания в этот мир он натерпелся унижений и давно привык их сносить.

Он знал, как мучительно болеть — всё это время он буквально балансировал на грани жизни и смерти, и за всю свою прошлую жизнь он никогда не болел так долго и так тяжело.

С его точки зрения, уж лучше было бы дать императору потешить свое самолюбие язвительными речами, чем продолжать эти муки.

И ради чего он всё это терпел? Не ради ли того, чтобы этот «великий предок» перед ним не подвергался позору, который потом Хо Уцзю припишет на счет принца и заставит расплачиваться головой?

Цзян Суйчжоу горько усмехнулся.

— Генерал Хо, как вы думаете, зачем я выливаю лекарство? — спросил он.

Хо Уцзю молчал, продолжая держать его за руку. Тишина стала их полем боя.

— Вы ведь слышали, что сказал лекарь? — продолжал Цзян Суйчжоу. — Почему он так часто заходит ко мне? Почему так «любезно» напоминает о здоровье? Потому что император приказал: на праздновании я обязан быть вместе с вами. Он хочет видеть вас.

От долгой и быстрой речи принцу стало не хватать воздуха, горло перехватило сухим кашлем.

С трудом сдержавшись, он продолжил:

— Зачем он хочет вас видеть? Полагаю, мне не нужно объяснять. Мне-то всё равно, но я не желаю так позориться перед всеми чиновниками. Вылить эту дрянь и проболеть еще пару дней — выгодно и вам, и мне. Понимаете?

Договорив, Цзян Суйчжоу несколько раз судорожно вздохнул, пытаясь выровнять дыхание.

Он посмотрел на Хо Уцзю.

Тот всё так же спокойно взирал на него снизу вверх. Выслушав эту тираду, генерал сохранил

абсолютное хладнокровие.

Только когда дыхание принца наконец успокоилось, Хо Уцзю заговорил.

— Я знаю, — произнес он. — Поэтому — пей лекарство.

Цзян Суйчжоу нахмурился.

В глубине этих темных глаз он увидел непоколебимую уверенность.

Этот человек не мог стоять на ногах, он был военнопленным в чужой враждебной стране, которого каждый встречный считал своим долгом растоптать. Но его взгляд внушал необъяснимое чувство защищенности и силы.

— Им не забрать мою жизнь, — сказал Хо Уцзю. — Мне нечего бояться. Если велют идти — я пойду.

Он на секунду замялся, а затем добавил, чуть неуклюже и непривычно мягко:

— Так что... и ты не бойся.

<http://bllate.org/book/16965/1579666>